

УДК 8

DOI 10.21661/r-113655

В.Г. Лядский

ПЕРЕВОД РОМАНОВ ЖОРЖА СИМЕНОНА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Аннотация: в данной статье рассматривается художественный перевод как нормативно-ценностная система контактирующих культур, выявляются его межкультурно-коммуникативные функции. Определяется роль и место художественного перевода как одного из главнейших инструментов налаживания отношений в международном сообществе. Эта задача решается на примере перевода романов французского писателя Ж. Сименона на русский язык. Автор статьи проанализированы допущенные в переводе ошибки и выявлена их негативная роль в диалоге культур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, язык, интеграция, диалог культур, художественный перевод.

V.G. Lyadskij

TRANSLATION OF NOVELS BY GEORGES SIMENON AS A FORM OF DIALOGUE BETWEEN CULTURES

Abstract: this article examines the literary translation as a normative value system of contacting cultures, reveals its intercultural and communicative functions. The role and place of literary translation as one of the most important tools for building relationships in the international community is defined. This problem is solved by the example of the translation of novels by the French writer J. Simenon in the Russian language. The author of the article analyzes the errors made in the translation and reveals their negative role in the dialogue of cultures.

Keywords: intercultural communication, language, integration, dialogue of cultures, artistic translation.

Не будет преувеличением сказать, что в современном мире одним из важнейших регуляторов отношений между странами, одним из главнейших инструментов налаживания отношений в международном сообществе является диалог культур. Мирное разрешение конфликтов, ликвидация очагов раздора и непонимания между народами, осуществление знакомства с иноязычными культурами – вот те области, в которых диалог культур оказывается весьма эффективным, способным успешно конкурировать с «голосами пушек» и деятельностью политиков и дипломатов. «Интеграция этнокультур – это явление взаимодействия, когда современная цивилизация, которую уже сейчас можно рассматривать как субстрат будущего общечеловеческого суперэтнуса, получает обновление и новые принципы общежития, мышления, культуры.» [1, с. 148]. Сам термин «диалог культур» тесно связанный с такими понятиями, как «менталитет», «язык», «международная интеграция», выступает как нормативно-ценностная система контактирующих культур, имеющая явно выраженные межкультурно-коммуникативные функции.

Одной из наиболее значимых форм межкультурных связей является область языкового взаимодействия. Не будучи стесненными и свободно реализующимися в пределах одного языка, языковые контакты серьезно осложняются в случае взаимодействия разноязычных культур. И в данном случае средством преодоления языкового барьера выступает перевод, как вызванный общественной необходимостью процесс и результат передачи информации посредством создания эквивалентного оригиналу устного или письменного текста на другом языке. При этом важно подчеркнуть, что в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим, но также имеет место сложный и многогранный процесс трансформации личностных и общественных ценностей, различных складов мышления, неодинаковых уровней развития, несхожих традиций, а порой и сильно рознящихся и далеко отстоящих друг от друга временных эпох. Поэтому говорить о том, что диалог культур состоялся, можно только лишь в том случае, когда автору художественного перевода удалось донести до понимания чита-

теля, сделать понятными и наполненными живой реальностью события и обстоятельства, судьбы и поступки людей, живущих в иной социокультурной действительности, но остающихся при этом просто людьми, такими же, как и повсюду, с одинаковым пониманием добра и зла, стремлением к счастью, знающих, что такое боль и страдание. Исходя из такого понимания задач художественного перевода суть его определяется как не просто автоматическая подмена слов одного языка словами другого языка, но как нахождение адекватных способов передачи информации, выраженной на одном языке, на другой язык с сохранением ее точности и эмоциональной насыщенности.

Перевод французской художественной литературы на русский язык имеет многовековую историю. Пожалуй, трудно назвать сегодня хотя бы одно сколь-либо значительное произведение, созданное французскими писателями и поэтами, которое не было бы переведено на русский язык и не прочитано просвещенным русским читателем.

Не стало исключением и творчество выдающегося романиста нашего времени Жоржа Сименона.

Кому не известен созданный пером этого общепризнанного мэтра детективного жанра образ комиссара Мегрэ? Кто не наслаждался прогулкой по хитросплетению тайных закоулков человеческой души в сопровождении великого мастера психологического романа, каким по праву считается Сименон?

Да, творчество Сименона в России известно очень хорошо. С его произведениями русский читатель знакомился в определенной последовательности: сперва это была серия детективных романов, в которых главным действующим лицом является колоритная фигура полицейского комиссара Жюля Мегрэ, позже появился целый ряд романов социально-психологических, или «трудных», как их называл сам писатель. Надо сказать, что такая последовательность в общей оценке творчества Сименона сыграла отрицательную роль – большая часть читателей (и критиков) упорно продолжает числить его «по ведомству» детективной литературы, не замечая всего, что ставит Сименона в один ряд с наиболее значительными «серьезными» писателями нашего времени. Сам Сименон, не без

горечи, замечал, что для одних он является создателем Мегрэ и не больше, тогда как для других Мегрэ – это всего лишь пятно на его репутации серьезного романиста.

Какие бы споры не вызывала оценка работ писателя, нельзя не согласиться с тем, что Сименон – один из фундаментальных свидетелей нашего века (если воспользоваться формулой, примененной однажды для оценки творчества Виктора Гюго – «*témoign du siècle*»). При этом Сименон не изображал ни войн, ни революционных движений, изменявших облик планеты, не участвовали его герои и в так называемой научно-технической революции. Сименон не писал больших полотен. Практически все его романы невелики по объему, но эти «маленькие» произведения как бы укладываются в некое большое здание, которое французский критик Жюэн назвал «непрерывным романом», да и сам Сименон считал, что его «большой роман – это мозаика из маленьких романов». «Я могу удержать внимание читателя лишь на одной драматической истории, – писал Сименон, – и главное, мне удастся говорить в каждом произведении только об одном персонаже за раз».

Конечно, в романах Сименона – сотни персонажей, и все же, действительно, каждый раз в центре произведения – один, главный, герой, и его писатель доводит «до конца», до некой грани, за которой происходит кризис, переоценка ценностей, общепринятых норм поведения, моральных принципов. Вот тогда человек и совершает неожиданные, не поддающиеся объяснению обычной логикой поступки, в том числе и преступления.

Хотя Сименон и не затрагивает глобальных событий нашей эпохи, действие его романов разворачивается на фоне конкретной исторической, социальной, бытовой обстановки, которая описывается с величайшей достоверностью, глубокой подлинностью. Ведь для того, чтобы ввести читателя в этот мир, сам писатель должен, по мнению Сименона «узнать мир во всех обличьях, повидать страны и народы, края и обычаи, быть вхожим в самые разные слои общества, быть своим и в маленьком бистро, куда ходят рыбаки, и на ярмарке скототорговцев, и в салоне у банкира».

Именно по этой причине романы Сименона очень интересны в познавательном отношении. Читая их, мы получаем возможность побывать как в Париже, так и в провинции: в Оверни и в Эльзасе, в Турени, Провансе, Пикардии. Особое место в романах писателя занимают портовые города – не только атлантического побережья Франции (как, например, Ла-Рошель), Бретани и Нормандии (Шербур и Брест, Фекан и Пор-ан-Бессон), но и Голландии, Бельгии, Германии и Норвегии.

Героев Сименона мы встречаем в местах, которые могут быть нам хорошо знакомы, а также и там, где нам, скорее всего, не придется побывать никогда в жизни, и куда, порой, лучше и не попадать вовсе. Вместе с героями Сименона мы имеем возможность оказаться в кабинете судебного следователя или министра, в богатых особняках и жалких лачугах, в номерах роскошных отелей и в дешевых портовых гостиницах, в конторе нотариуса, на борту самоходной баржи или океанского лайнера, в мастерской художника, в приемной врача, в вагоне пассажирского поезда. И везде мы становимся свидетелями реальной жизни, видим конкретные социально-бытовые условия – порой привычные нам, а порой и совершенно экзотические.

А теперь вспомним, что писал Сименон по-французски, и все наши ощущения реальности обстановки рождаются не непосредственно от слов самого писателя, а от формулировок, преподносимых нам переводчиком. И от того, насколько точны эти формулировки, насколько добросовестен переводчик в передаче реалий европейского или американского образа жизни, зависит не только наше восприятие описываемой в романе ситуации, но и понимание самих идей писателя, его морально-нравственной концепции. Именно на основе перевода складывается оценка творчества Сименона русским читателем. Глубокое знание самим переводчиком социально-бытового контекста романа, реалий повседневной жизни героев и общего культурного фона описываемых событий является гарантией верного, адекватного перевода, непременным условием донесения до читателя подлинных, не искаженных неверной формулировкой или неточным термином обстоятельств жизни людей.

В 1994 году российские поклонники великого французского писателя получили новый огромный подарок – вышел в свет очередной сборник романов Сименона, сборник, охватывающий огромный пласт творческого наследия писателя. Речь идет о великолепно оформленном (прекрасный дизайн: строгие золотые буквы и курительная трубка на черном фоне, суперобложка) 30-томном собрании сочинений Жоржа Сименона, опубликованном издательством «Истоки» (Составители: доктор филологических наук профессор В.Е.Балахонов, кандидат филологических наук доцент Э.Л. Шрайбер. Переводы с французского выполнены под общей редакцией Ю.Б. Корнеева.)

При всем уважении к высоким ученым титулам составителей сборника, при всем восхищении блестящими, высоко художественными переводами, сделанными прекрасными российскими переводчиками, нельзя не высказать несколько критических замечаний в связи с тем, что как раз по причине досадных неточностей, все же – как это не печально – допущенных как при переводе, так и при наборе текстов, российский читатель не сможет адекватно и в полной мере оценить замысел писателя, а порой и просто будет пребывать в недоумении, пытаясь понять малоизвестные ему специфические особенности французской действительности, «расшифровать» послания иного мира, иной культуры.

В данной статье я не стану детально останавливаться на довольно многочисленных промахах наборщика – пропущенные запятые, отсутствие необходимого согласования слов в предложении, на том, что ускользнуло от внимания корректора сборника, хотя зачастую и такого рода ошибки могут быть чреваты неверным пониманием текста.

К примеру, не могут не вызвать удивления фразы, типа «Она снял галстук» [2, с. 154] или «В приемной кого-нибудь ждет? – Никого» [2, с. 138], не говоря уже о таких стилистических «находках», как «На блюде остывали два мерлана. Поколебавшись еще мгновение, он ухватил один из них» [3, с. 13], «Здесь даже нет денег, чтобы каждому из нас мог покинуть этот город» [4, с. 276].

Ошибки такого рода не приведут, конечно же, современного читателя к какому-либо разночтению, однако, если предположить, что эти страницы попадут

когда-нибудь в далеком будущем к исследователю русской словесности (наподобие того, как к нашим современникам попало, скажем, «Слово о полку Игореве»), то выводы о синтаксической гибкости русского языка 20-го столетия будут не вполне соответствовать действительности.

«Определить, какую роль сыграл в нашей жизни тот или иной час, мы, разумеется, можем только впоследствии. Но о котором идет речь, окрашен цветом неба» [5, с. 209].

«У меня есть превосходные консервы из лангусты (?!)» [6, с. 179].

Надо сказать и о том, что в некоторых случаях загадки грамматического строя удачно дополняют детективную «закрученность» сюжета.

Так, например, попытайтесь определить цвет буюв в такой вот фразе: *«Судно... прошло впритирку к черным красным буюм, несомненно обозначавшим фарватер»* [7, с. 106]

Попробуйте понять, вышел герой на улицу или нет, прочитав следующие строки: *«К трем часам ночи, вконец измучавшись, он резко встал, оделся, чуть было не вышел на улицу, как был, без галстука и в домашних шлепанцах»* [8, с. 3] (оказалось, вышел!).

Догадайтесь, для чего переводчику потребовалось вносить изменения в текст газетного объявления: *«Поверх груды документов лежала газетная вырезка с красноречивой шапкой: «Жозеф Эртен, убийца м-с Хендерсон и ее горничной, приговорен к смерти сегодня утром»... Мегрэ сердито переворошил газетные вырезки и нашел самую позднюю, вырезанную из газеты всего десять дней назад: «Жозеф Эртен, убийца м-с Хендерсон и ее горничной, сегодня утром приговорен к смертной казни»* [9, с. 8, 9].

Или вот: только лишь внимательно вчитавшись, мы поймем, что Шабо и врач — одно и то же лицо, чего не скажешь, прочитав следующие строки: *«Как предвидел Шабо, анестезиолог понадобился почти сразу — у больной образовался тромб, и врачу пришлось, обливаясь потом, более четверти часа манипулировать щипцами»* [10, с. 305].

Скажите, каково качество обслуживания в отеле «Георг V»: *«Когда они поселились в отеле «Георг V», где обслуживание не оставляет желать лучшего...»* [11, с. 223].

Кого и о ком умеет заставить говорить наша приятельница: *«Карина де Ланжель – наша приятельница, которая умеет заставить говорить о ней...»* [12, с. 5].

Каковы должны быть действия роженицы, если врач среди прочих, вполне понятных команд, таких как «Вдохните!», «Выдохните!», «Тужьтесь!», «Задержите!» (видимо, дыхание?), скажет: *«Сильней сожмите кулаки. Тяните... Внимание: вдох»* [10, с. 339].

Попытайтесь, например, определить значение слова «раздетая» в следующем диалоге:

«– Значит, в десять минут шестого или около того вы уже были наверху. Где лежала покойница?»

– На кровати, конечно.

– Раздетая?

– Ну да! Как же иначе?

– Минутку! Итак, в десять минут шестого Жозефина Круазье была в постели. Что на ней было?

– Ночная рубашка и халат.»

(В оригинальном тексте – *en déshabillé* (по-французски это выражение «в домашнем халате».)

А теперь представьте себе эту девушку: *«На фотографии была изображена юная бедуинка, сидевшая на корточках прямо на земле»* [13, с. 260].

Использование личных имен и фамилий также порождает иногда недоумение и желание вернуться к прочитанному, чтобы разобраться, о ком же, в сущности, идет речь.

Например, на одной и той же странице фигурируют две фамилии «Ламбер» и «Ламберт» [10, с. 347], восходящие к одному оригиналу – «Lambert», или два имени «Анжела» и «Анжель» (ср. *«...он не сразу узнал Анжелу.... Анжель все*

больше распалялась.... Он случайно встретил в коридоре эту фурию Анжель» [14, с. 157].

Вообще, на страницах включенных в сборник романов встречается немало досадных стилистических оплошностей:

«Негр валяет дурака, клянется, что ничего не знает. Так как все вопросы ведутся через переводчика, разбор дела затягивается» [6, с. 179] (видимо, следовало написать «вопросы задаются через переводчика», хотя страдательный залог выглядит здесь довольно неуклюже).

«Шуршала перекатываемая галька. Неясно вырисовывался силуэт безлюдного казино. Мегрэ искал человека» [15, с. 139] (звучит как хрестоматийное «Quaero hominem» – «ищу человека»).

«Хозяин проводил новенькую на ее прежнее место, где она вновь обрела свою сумочку» [16, с. 130] («обрести сумочку» звучит совсем не по-русски!).

«Мари-Лу обрела своего швейцарца на углу улицы, и они отправились под ручку к «Карлтону», как старая супружеская пара» (?) [16, с. 163].

Прискорбно и то, что многие из этих стилистических «ляпов» явно объясняются излишним буквализмом перевода (так называемые галлицизмы):

«Сидя в кресле Луи Филипп, он следил за часовой стрелкой» [17, с. 137] (по аналогии становятся возможными словосочетания – «мебель Людовик XV», «буфет Генрих II» и т. п.).

«Женищина лишь с трудом дала себя увести» [18, с. 285] (совершенно прозрачная конструкция – «se laisser emmener»).

«Дом был невелик – трехэтажная вилла, превращенная в пансион. С улицы попадали прямо в коридор» [3, с. 7] (буквально переведенная конструкция с неопределенно-личным местоимением «он»).

«А между тем это впервые после того, как чета Мегрэ двадцать пять лет назад совершила свадебное путешествие, они отправились вместе отдохнуть и развлечься» [3, с. 7] (выделительный оборот «c'est... que»).

«Его куртка, хотя и поношенная, была хорошо скроена и вышла явно не из магазина готового платья» [13, с. 210] («куртка, выходящая из магазина» звучит слишком персонифицировано).

В Париже из семьи сбежали дети. Мать обратилась в комиссариат и рассказывает дома о разговоре с комиссаром: *«Они сделают все, что смогут и, кажется, найдут их не в Париже. У них есть опыт» [13, с. 213]* (будущее время звучит слишком конкретно, слишком определенно, что явно не сочетается с ситуацией неопределенности, вероятности действия).

«Если ей и случалось выходить субботними вечерами, то она не надевала больше платье цвета синей лаванды (?), которое так любил Луи.

– Тебе неприятно, что я выхожу?

– Почему, мама?

...

Он улыбался ей, желая успокоить.

– А что же ты никогда не выходишь?

– Я днем выхожу».

(Здесь глагол «sortir» звучит слишком буквально. Следовало бы написать «выходить погулять, пойти развлечься и т. п.)

«... девочка с глазами, обсиженными мухами» («tachetés de mouches» означает «в крапинку», то есть «радужная оболочка таких глаз не ровного, однотонного карего цвета, а имеет рассеянные по ней крапинки»).

«Когда мы с твоим отцом купили этот дом... В те поры он даже тысячи франков не стоил» [2, с. 30] (совершенно неуместное для русского языка множественное число, по-французски – «les temps»).

«Католическое собрание состояло из двух частей: Большого собрания для всех и Малого – для городской элиты. Малое собрание располагалось на верхнем этаже, а внизу можно было встретить какого-нибудь Гийома в обществе булочника» («un Guillaume» – это человек незнатного происхождения, простой смертный).

«Корабль, на котором они (винтовки) находились, или считалось, что находятся, ходил под греческим флагом и долгое время сновал вдоль всего побережья, от Панамы до Огненной Земли, никогда не освобождаясь от своего груза» [2, с. 283] («sans jamais se libérer de sa cargaison»).

«Ничтожество! Сын зеленицы, который совсем недавно ходил по улицам с тележкой! И если я еще бегала за ним! Как бы не так!» [19, с. 44] (как не вспомнить ставший классическим для всех изучавший французский отрывок из романа Альфонса Доде о Тартарене – «Знал ли я его, месье!»).

«Попытайтесь держаться прилично, ладно? Чтобы мне не приходилось всегда краснеть за вас» [20, с. 218] (хрестоматийное «toujours»!).

«Кабинет отца размещался в конце коридора, где целый день горел свет, а гранатовая гостиная служила приемной для пациентов, еще вербовавшихся не из состоятельных людей» [21, с. 135].

Встречаются порой и просто анекдотичные варианты перевода:

«– Послушай, мать, это который из сыновей? Высокий, худой, тот, что все лето ходил с палкой?

– Да, Фердинанд.

– Он же в последнем градусе чахотки. До Рождества не дотянет» [2, с. 28].

Создается ощущение, что здесь переводчик просто-напросто взял первое попавшееся значение слова из словаря – «degré» это «градус» и «степень».

«Оставшись одна старая женщина потеряла свою улыбку» (?) [2, с. 291].

К ошибкам стилистическим добавляются и ошибки лексические.

Мегрэ с женой рассматривают гуляющих по пляжу молодых людей – жениха и невесту. Мегрэ говорит:

«Она лишь немного старше его. Очень его любит. Готова стать славной маленькой женщиной» [22, с. 59].

Мегрэ рассматривает старые фотографии:

«Посмотрите-ка на отца семейства. Его убили однажды вечером во время беспорядков на улице, когда шли бои между националистами и коммунистами» [15, с. 134].

Загадочными представляются порой также некоторые предметы и реалии. И если до этого речь шла о загадках грамматики, то в нижеприведенных отрывках «загадочность» текста объясняется неточностью лексического эквивалента и приводит к искажению описываемой действительности:

«Никто не протянул ему спасительной доски» [10, с. 362] (было бы уместнее «спасительной руки»).

«Мад, ты pomoжeшь мне спустить сундуки?» [2, с. 279] (речь идет о вещах пассажиров поезда).

«Два кафе, Эрнест!» [13, с. 201] (конечно, «кофе»).

«Ваша почта, месье Можен – сказал консьерж на артистическом входе» [23, с. 16] («служебном входе» – «entrée des artistes»).

«На всех колоннах Морри висели мокрые от дождя афиши с одним только словом черными буквами: «Можен», «Можен», «Можен» [23, с. 16] (вряд ли русский читатель, не знакомый с французской действительностью, сможет представить себе место, где были развешаны эти афиши, хотя речь идет просто-напросто об остроконечных уличных тумбах для расклейки афиш, придуманных в свое время английским художником Уильямом Моррисом – «colonnes Morris»)

«В то время на оконечности острова (Сен-Луи), похожей на шпору и расположенной напротив Сите и Нотр-Дам, была свободна квартира, и мы осмотрели ее, обмениваясь жадными взглядами. Квартирная плата, ограниченная законом, была не слишком высока, но от нас потребовали оплатить ремонт, о чем не позволяло говорить всерьез состояние наших финансов, и мы с тяжелым сердцем ушли. Вивиан горько улыбнулась, вспомнив, вероятно, наш давнишний визит и разочарование, когда мы узнали, какую сумму с нас требуют за ремонт нескольких не представляющих ценности ковров» [12, с. 5].

Степень загадочности употребленного слова может быть весьма значительной:

«Он подошел к двери, крикнул Леону, чтобы тот принес ему трубку, которая осталась в кармане пальто, а также табак. Латыши перебил его: «А мне папиросы (во Франции?), пожалуйста!» «И папиросы, хозяин... «Голуаз бле»... Латыши курил, покусывая гильзу, сплевывал крошки табака» [15, с. 146].

«Всего в каких-либо 100 километрах от Парижа в Витри-о-Лож он сошел с маленького, допотопного поезда.... Он уже совсем был готов остаток пути проделать на тележке булочника, но в последнюю минуту сумел уломать мясника, и тот согласился отвезти его на своем грузовичке» [24, с. 70].

А порой и достигать головокружительной высоты:

«Может быть, другой рыжий, одетый точно так же, как и первый, тот, что рубит от куска мяса котлеты» [14, с. 157].

«Сегодня он вышел, не дожидаясь обычной резкой перемены в состоянии женщины, когда она принималась бегать в ванную и громко икать, потом ее начинало тошнить, раздавался ее плач, и все заканчивалось нескончаемым жалобным воем, который может издавать только раненое животное или самка в состоянии истерии» [8, с. 5].

В некоторых случаях переводчик открыто вводит в заблуждение русского читателя. Например, дается сноска, в которой указано, что *«во Франции принята нумерация классов в обратном порядке – с 10-го по 1-ый» [25, с. 357]* (как будто во Франции существует 10-ый класс школы!).

Тем не менее, все вышеперечисленные случаи можно было бы отнести к разряду «случайностей», «оплошностей», делающих текст несколько неуклюжим, но не являющихся ошибками, связанными с неверным толкованием, непониманием французского оригинального текста. К сожалению, ошибки перевода в прямом смысле слова встречаются весьма часто. Разберем некоторые из них.

1. Известно, что во французском языке такие слова, как «une dizaine», «une douzaine», «une quarantaine» не могут обозначать точного количества, выражая лишь идею приблизительной численности. Однако мы встречаем такие варианты перевода:

«Люди собирались на трамвайной остановке, чтобы посмотреть, как будут арестовывать подозреваемого в преступлении. Собралось уже десять человек, потом стало двенадцать, подходили еще из бистро и из других мест» [26, с. 201]

«Помещение кафе было огромным. По одну его сторону посетители ели, по другую – играли в карты на столах, покрытых красным сукном.... Сорок официантов сновали между столиками, покрикивая: «Позвольте! Разрешите!» [26, с. 156]

«В ту минуту, когда он взялся за ручку двери, из кафе шел такой шум, словно говорили одновременно человек двенадцать (это звучит ничуть не лучше, чем, скажем «человек одиннадцать» или «человек тринадцать»!). Как только дверь отворилась, моментально воцарилось полное молчание. А между тем в зале было больше десяти человек, две или три группы людей, которые перед тем, несомненно, переговаривались» [22, с. 68].

2. Французский глагол «aveugler», помимо своего прямого значения «ослеплять», может быть употреблен и в переносном смысле «затыкать, закрывать, занавешивать». Переводчик же предпочел первое значение, что дало следующий вариант перевода:

«Он остался один, он, Адель бей, в этом вымокшем городе, полном людей, прячущихся за окнами, ослепшими от кусков картона, вставленных вместо стекол» [27, с. 79].

3. Выражение «huit jours» во многих случаях используется как синоним слова «неделя». Поэтому в следующем предложении словосочетание «восемь дней» привносит неуместную конкретизацию:

«История с этим эпизодом тянулась уже восемь дней, из-за этого на студии все были доведены до белого каления» [23, с. 31].

4. Во французском языке оборот «être sous les drapeaux» означает «служить в армии, проходить военную службу». Поэтому в нижеприведенном предложении буквальный перевод слова «знамена» дает ненужную патетичность и полностью затемняет смысл всей фразы:

«Я не думаю, что им там разрешают жениться, особенно на туземках, — они ведь встали под знамена» [13, с. 260].

5. Значение французского слова «professeur» в зависимости от контекста меняется — «профессор» или просто «преподаватель»:

«Табличка около звонка, где на меди было выгравировано: «М-ль Мулон, профессор сольфеджио» [25, с. 351].

6. Французское слово «marée» указывает на циклическое изменение уровня океана, причем «marée haute» означает «прилив», «marée basse», соответственно — «отлив»:

«Я не сообщил в полицию. Держал труп в доме в течение трех дней. Ждал, когда будет высокий прилив, чтобы от него избавиться» [28, с. 17].

7. Не удалось также избежать уже ставшей классической путаницы понятий «вечер» и «ночь»:

«Она уехала во вторник, с Северного вокзала, в девять сорок вечера» [29, с. 27]... Если бы в ту ночь она взяла такси, мы разыскали бы шофера» [29, с. 107].

И еще:

«Внезапно в ночи (дело происходит примерно в 18.00) раздались голоса» (здесь явно имеется в виду «в темноте» — «dans la nuit»)

8. Французское устойчивое выражение «jusqu'à nouvel ordre» следует переводить «до тех пор, пока ситуация не изменится, пока все остается по-старому»:

«Полагаю, что цветов ей посылать не стоит. До нового распоряжения, естественно» [16, с. 197].

Следует также привести здесь несколько ситуаций, оставшихся, на мой взгляд, мало понятными читателю и требующих более подробного и более точного комментария со стороны переводчика:

— отсутствует сноска, объясняющая возникший каламбур («maigret» — «худой», «худощавый»):

«— Как вас зовут?»

— Мегрэ.

Комиссар заметил, что девушка, которая, видимо, читала газеты, чуть не подскочила. Кухарка же явно о нем никогда не слышала.

– Нетрудно запомнить. И потом, вы толстый» [30, с. 367].

В качестве заключения хочется сказать, что несмотря на общую негативную тональность данной статьи, нацеленной на выискивании огрехов в переводе опубликованных в сборнике романов, первыми словами заключения должны быть слова, выражающие огромное удовольствие, трепетную радость и подлинное наслаждение, остающиеся после долгого многомерного и многопланового путешествия, совершенного вместе с героями произведений Жоржа Сименона.

Какими бы серьезными ни были допущенные в переводе ошибки, сколь неприятными и царапающими слух ни казались некоторые пассажи текста, в целом, авторам перевода удалось справиться с главной задачей – диалог культур состоялся. Русскоязычные читатели получили прекрасную возможность восхищаться гениальностью Сименона и наслаждаться теми открытиями, которые совершаются в каждом, кто берет в руки книгу Жоржа Сименона. Другими словами, в заключении статьи хотелось бы сказать о том, что благодаря выходу в свет этого сборника перед нашим читателем была широко распахнута дверь в мир иной культуры, в психологию иной души.

Зададимся вопросом – стали ли отдельные шероховатости, лежащие на синтаксическом или лексическом уровне, препятствием к общению читателей с героями прекрасных романов великого французского мастера? Ответ однозначен – нет, не стали. Культурный контакт состоялся. Монолог другой культуры прозвучал во весь голос. И тот отклик, который, конечно же, возник в сердце каждого прочитавшего эти романы Сименона, дает основания считать, что в данном случае имел место не просто монолог, но подлинный и глубоко насыщенный диалог двух культур, двух миров, которые по сути являются срезом одного и того же мира, одной и той же культуры – единой, великой человеческой культуры нашего времени.

Список литературы

1. Исмаилова Ф.Е. Межкультурно-коммуникативные функции художественного перевода // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 86. – 2013. – №37 (328)
2. Сименон Ж. Бургомистр города Вёрне / Пер. Ю. Корнеева. – Т. 26. – М.: Истоки, 1994.
3. Сименон Ж. Буря над Ла-Маншем / Пер. Н. Столяровой. – Т. 5. – М.: Истоки, 1994.
4. Сименон Ж. Тетя Жанна / Пер. А. Балахонова. – Т. 26. – М.: Истоки, 1994.
5. Сименон Ж. В тупике / Пер. Н. Фарфель. – Т. 21 – М.: Истоки, 1994.
6. Сименон Ж. Лунный удар / Пер. Н. Брандис. – Т. 2. – М.: Истоки, 1994.
7. Сименон Ж. Он приехал в день поминовения / Пер. Ю. Корнеева. – Т. 6. – М.: Истоки, 1994.
8. Сименон Ж. Три комнаты на Манхаттане / Пер. Ю. Уварова. – Т. 27. – М.: Истоки, 1994.
9. Сименон Ж. Цена головы / Пер. Е. Загорянского. – Т. 2. – М.: Истоки, 1994.
10. Сименон Ж. Плюшевый мишка / Пер. М. Квятковской. – Т. 26. – М.: Истоки, 1994.
11. Сименон Ж. Колокола Бисетра / Пер. И. Русецкого. – Т. 29. – М.: Истоки, 1994.
12. Сименон Ж. В случае беды / Пер. Ю. Корнеева. – Т. 29. – М.: Истоки, 1994.
13. Сименон Ж. Маленький святой / Пер. А. Балахонова. – Т. 28 – М.: Истоки, 1994.
14. Сименон Ж. Неизвестные в доме / Пер. Н. Жарковой. – Т. 5. – М.: Истоки, 1994.
15. Сименон Ж. Петерс Латыш / Пер. О. Кустовой. – Т. 1. – М.: Истоки, 1994.
16. Сименон Ж. Стриптиз / Пер. Ю. Уварова. Т. 25. – М.: Истоки, 1994.

17. Сименон Ж. Премьер-министр / Пер. Т. Лещенко. Т. 17. – М.: Истоки, 1994.
18. Сименон Ж. Человек из Лондона / Пер. Л. Богомоловой и Ф. Флорич. – Т. 3. – М.: Истоки, 1994.
19. Сименон Ж. Бегство г-на Монда / Пер. Вяч. Шабельникова. – Т. 24. – М.: Истоки, 1994.
20. Сименон Ж. Малампэн / Пер. А. Тетеревниковой. – Т. 24. – М.: Истоки, 1994.
21. Сименон Ж. Исповедальня / Пер. Вяч. Шабельникова. – Т. 24. – М.: Истоки, 1994.
22. Сименон Ж. Кабачок ньюфаундленцев / Пер. Н. Брандис и А. Тетеревниковой. – Т. 4. – М.: Истоки, 1994.
23. Сименон Ж. Зеленые ставни / Пер. Г. Орла. – Т. 28. – М.: Истоки, 1994.
24. Сименон Ж. Капли стеарина / Пер. Н.Столяровой. Т. 5. – М.: Истоки, 1994.
25. Сименон Ж. Переступить черту / Пер. Г. Орла. – Т. 28. – М.: Истоки, 1994.
26. Сименон Ж. Помолвка мсье Гира / Пер. Н. Фарфель. – Т. 21. – М.: Истоки, 1994.
27. Сименон Ж. В доме напротив / Пер. Н. Фарфель. – Т. 21. – М.: Истоки, 1994.
28. Сименон Ж. Дом судьи / Пер. Э. Шрайбер. – Т. 6. – М.: Истоки, 1994.
29. Сименон Ж. Мегрэ и долговязая / Пер. Н. Брандис и А. Тетеревниковой. – Т. 15. – М.: Истоки, 1994.
30. Сименон Ж. Мегрэ в Пикреттс / Пер. Вяч. Шабельникова. – Т. 5. – М.: Истоки, 1994.
31. Илюшин А.А. Перевод художественный / Л.В. Чернец, Е.В. Хализеев, С.Н. Бройтман [и др.] // Введение в литературоведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие. – М., 1999.

32. Исмаилова Ф.Е. Межкультурно-коммуникативные функции художественного перевода // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 86. – 2013. – №37 (328).

33. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты: на материале русской и немецкой лингвокультур. – Красноярск, 2004.

34. Кунанбаева С.С. Современное иноязычное образование: методология и теории. – Алматы, 2005.

Лядский Владимир Георгиевич – старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и коммуникационных технологий НАО ВО «Институт мировых цивилизаций», Россия, Москва.

Lyadsky Vladimir Georgievich – senior lecturer of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies FSBEI of HE “Moscow State University named after M.V. Lomonosov”, head of the department of Humanities and Communication technologies NANI of HE “Institute of world civilizations”, Moscow, Russia.
